

© 1998 г., ЭО, № 6

И.В. Д у б о в

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (к 150-летию со дня рождения Дмитрия Александровича Клеменца)

Акад. С.Ф. Ольденбург писал: «Всякий, кто знал Клеменца, согласится со мною, что в нем был жив дух Пигмалиона – оживителя...»¹.

Подобно легендарному герою греческой мифологии этот человек был влюблен в свое творение. А таковым являлся Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. В 1934 г. на базе отдела был организован Государственный музей этнографии, с 1948 г. – Государственный музей этнографии народов СССР и ныне Российский этнографический музей.

О Дмитрие Александровиче Клеменце – революционном народнике, просветителе, публицисте, поэте, ученом, общественном деятеле, организаторе музейного дела в России написано много². Ряд работ специально посвящен его деятельности в качестве первого заведующего Этнографического отдела Русского музея и фактически его создателя.

Основные вехи жизни Д.А. Клеменца (только фактическая канва).

1848 г., 15 декабря – рождение в Николаевском у. Саратовской губ.

1866 г. – окончание Казанской гимназии.

1867–1869 г. – учеба на математическом факультете Казанского университета.

1869 г. – поступление в Петербургский университет на математический факультет, который не закончил, полностью посвятив себя революционной деятельности.

С 1871 г. – участие в народовольческом кружке чайковцев, пропагандистская деятельность среди рабочих Невской заставы и Выборгской стороны.

1873 г. – отъезд в Тверскую губ. в целях пропаганды среди крестьян.

1874 г. – краткосрочный арест в Твери, после этого – недолгое пребывание в Москве и занятие революционной пропагандой среди молодежи.

1874 г. – активное участие в «хождении в народ» в Тульской, Рязанской, Симбирской и Саратовской губерниях.

1874 г., осень – тайное пребывание в Псковской губ. Возвращение в Петербург. Эмиграция. Пребывание в Берлине.

1875 г. – Франция. Чтение лекций в Сорбонне. Пребывание в Лондоне.

1875 г. – возвращение в Россию.

1876 г. – поездка на Балканы в Герцеговину в целях принятия участия в восстании сербов против Турции. Д.А. Клеменц не успевает к событиям. Недолгое пребывание в Белграде.

1877 г. – переезд в Швейцарию.

1877 г. – возвращение в Россию.

1878 г. – выезд в Швейцарию с Верой Засулич. Возвращение в Россию.

1879 г., февраль – арест.

1881 г. – ссылка в Сибирь. Енисейская губ. Минусинск. Томск. Иркутск.

На этом заканчивается период жизни Д.А. Клеменца как революционного народ-

Д.А. Клеменц по возвращении из сибирской ссылки

ника. Начинается этап его деятельности как ученого, просветителя, общественного деятеля в области науки, культуры, музейного дела.

1886 г. – публикация фундаментального труда «Древности Минусинского музея».

1891 г. – Орхонская экспедиция под руководством акад. В.В. Радлова.

1894–1896 гг. – участие в «Сибиряковской экспедиции» по изучению Якутского края.

Д.А. Клеменц в сибирский период его жизни стал видным ученым-этнографом, «музейщиком из школы Мартьянова» – основателя и создателя «чуда Сибири» – Минусинского музея.

1896 г. – переезд в Петербург. Стараниями В.В. Радлова Д.А. Клеменц принят на должность хранителя Кунсткамеры.

1898 г. – занятие должности старшего этнографа Кунсткамеры (Музея антропологии и этнографии Академии Наук).

1899 г. – выход в свет фундаментальной монографии «Турфан и его окрестности».

1901 г. – участие в подготовительной работе по созданию Национального этнографического музея.

1902 г., январь – занятие должности заведующего Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III. Командировка в Европу в целях изучения зарубежного опыта музейного строительства. Экспедиции в Сибирь. Организационная и научная работа в Этнографическом отделе.

1910 г., ноябрь – отставка с должности заведующего Этнографическим отделом в чине действительного статского советника и с пенсией в 2000 руб. Переезд в Москву. Занятия научным и литературным трудом.

1914 г., 8 января – кончина.

Жизнь Д.А. Клеменца, а прожил он немногим более 65 лет, можно условно разделить на три основных периода – революционная молодость, Сибирь и Петербург. Последние три года в Москве активным периодом уже не назовешь – они характеризуются постоянным болезненным состоянием и отходом от дел.

В 1998 г. исполняется 150 лет со дня рождения Д.А. Клеменца, а в 2002 г. будет отмечаться 100-летие Российского этнографического музея, основателем которого он является.

Крупнейший русский ученый-этнограф Д.Н. Анучин писал: «Из этнографического музея Академии Наук Дмитрий Александрович перешел на такую же должность в нашем устраиваемом при Русском музее императора Александра III этнографическом отделе. Новое дело, многие большие средства, большая, казалось, свобода в развитии и осуществлении целей нового этнографического музея увлекла Дмитрия Александровича, который отдался с рвением выработке его плана и делу его устройства»³.

Особых возражений у правительства по поводу кандидатуры Д.А. Клеменца на должность первого директора национального этнографического музея, видимо, не было. От революционной деятельности он полностью отошел еще в сибирский период жизни, будучи в ссылке. Тогда известный исследователь Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанин, рекомендовавший Д.А. Клеменца на пост правителя дел Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, поставил перед ним условие: «оставить всякое участие в делах партии». Д.А. Клеменц сделал свой выбор, ставший отправной точкой в его деятельности как этнографа и организатора музейного дела всероссийского масштаба.

Еще до официального решения об открытии Этнографического отдела Д.А. Клеменц принимал самое активное участие в специальных совещаниях, посвященных выработке программы устройства вновь создаваемого музея, определений его целей, задач и структуры. Однако он испытывал некоторые сомнения в том, сможет ли справиться с обязанностями главного руководителя этого учреждения. В одном из писем своему близкому другу Э.К. Пекарскому Д.А. Клеменц объяснял сложившуюся ситуацию следующим образом: «Вы спросите, как я попал в это дело? Собрана была комиссия из разных лиц для обсуждения вопроса о программе и устройстве центрального этнографического русского музея. Мне удалось убедить руководящих деятелей музея (Русского. – *И.Д.*) в своих мыслях насчет состава музея и мне поручено устройство самого музея».

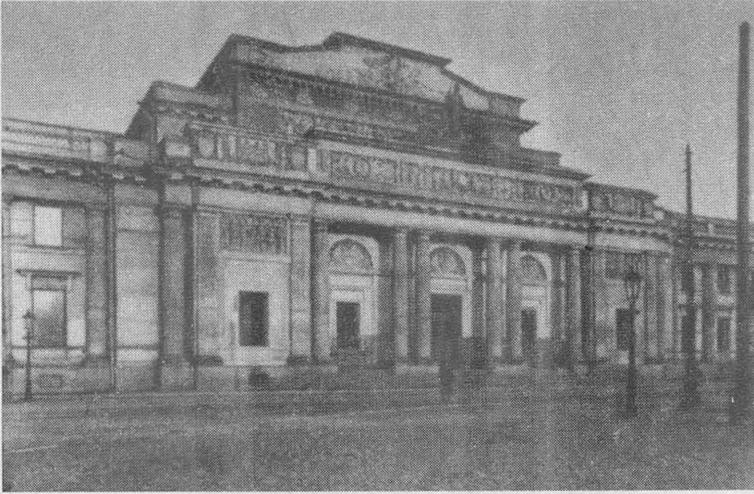
Основное объяснение того факта, что Д.А. Клеменц в конце концов принял приглашение и стал заведующим Этнографическим отделом, мы находим в его письме тогдашнему товарищу Управляющего Русским музеем Д.И. Толстому: «Музей – это моя последняя работа в жизни, другой я уже не успею сделать». Письмо написано в 1900 г., однако впереди были еще почти два года поисков и сомнений. Последнюю точку в этом деле поставил человек, который являлся подлинным духовником и другом семьи Клеменцев, – акад. С.Ф. Ольденбург. В одном из писем к Д.А. Клеменцу он пишет: «Мне кажется, что Вы неправильно поступили, отказавшись от директорства... У Вас громадные преимущества личного опыта, личного знакомства с бытом разных народов, умение наблюдать и учиться на деле, терпимость к сотрудникам... Право, не берите полуответственной должности устроителя, а берите директорство...»

Итак, предложил кандидатуру Д.А. Клеменца директор Кунсткамеры, акад. В.В. Радлов, а убедил его в необходимости принятия этого предложения акад. С.Ф. Ольденбург.

Еще до своего прихода в создаваемый музей, Д.А. Клеменц определил основные принципы, на которых должна была строиться вся его деятельность. Они заключались в следующем: во-первых, «чтобы сделать музей национальным, в нем должна принять участие вся наука», во-вторых, «музеи нужны не только для одних научных изысканий, а и для практической жизни». Этими принципами Д.А. Клеменц и руководствовался, не отступая, все восемь лет его директорства в музее.

Программа создания музея включала такие положения:

1. Этнографический музей должен быть всероссийским центральным научным учреждением.
2. В музее должны быть представлены, безусловно, все народности Российской империи, а также все славянские «племена», независимо от их политических границ.
3. Сборы этнографических коллекций необходимо производить планомерно, исчерпывающе, применительно к принципу «природа» и «образ жизни» и в соответствии, в

Российский этнографический музей

отношении России, с предложенной Дмитрием Александровичем системой деления империи на культурно-географические области и отделы.

4. Перевес русского будет достигнут лучше всего, говоря словами Дмитрия Александровича, «если сам музей и его администрация займется им по преимуществу».

5. В область ведения этнографического музея непременно следует ввести и страны, прилегающие к России, «куда проникло наше торговое, политическое и просветительное влияние».

6. Этнографические элементы этих стран должны составить второстепенные отделы, занимая в музее особые помещения или будучи приглашенными к соответствующим областям России. Эти отделы должны быть расширяемы по мере роста наших сношений с зарубежными странами.

7. Идя таким путем, музей не устареет впоследствии и будет отвечать запросам русской жизни и ее поступательному развитию⁴.

Такая программа вполне соответствовала тогдашней социально-политической ситуации в России, уровню развития этнографической науки, музейного дела. Однако уже тогда некоторые ее положения вызвали дискуссии и сомнения. Могут оспариваться они и сегодня. Новый музей должен был не дублировать Кунсткамеру – музей мировой этнографии, а ориентироваться в основном на собирание, хранение, изучение и экспонирование предметов быта и культуры народов, населявших Российскую империю. Однако для славянских племен делалось необоснованное исключение и не учитывались существовавшие политические границы.

К этому необходимому исключению Д.А. Клеменца вынуждали славистские настроения, имевшие место в России того времени. Это был явный компромисс с политиками, определявшими судьбу национального музея России. Д.А. Клеменц, с одной стороны, был убежден, что нельзя специально выделять русских, как бы ставя их в исключительное положение по отношению к другим народностям Российской империи, а с другой – призывал администрацию заняться по преимуществу русской этнографией. Ясно, что данные противоречия могут быть объяснены только политической ситуацией.

Еще один важный момент, нашедший отражение в его программе, – это некая «второстепенность» сопредельных с Россией стран. Здесь Д.А. Клеменц явно находился под определенным влиянием его знакомства с колониальными музеями Германии.

Наиболее напряженные дискуссии вызвала предложенная Д.А. Клеменцем система деления России на культурно-географические зоны⁵.

Коренным вопросом было определение порядка расположения коллекций – по племенному или по географическому принципу. Споры по этому вопросу являлись отражением теоретических дискуссий и противоречий, имевших тогда место в определении предмета и задач этнографии в системе гуманитарных и общественных знаний русской и мировой науки о человеке, его этническом и культурном развитии.

На мой взгляд, позицию Д.А. Клеменца в целом не приняли вполне обоснованно, хотя некоторые его положения вошли в общую концепцию Российского этнографического музея. Позиция Дмитрия Александровича была отражением его эволюционистских взглядов. Д.А. Клеменца с полным основанием можно назвать учеником и последователем Д.Н. Анучина и М.М. Ковалевского.

В настоящее время тогдашние споры при организации музея уже утратили свою актуальность и могут представлять лишь историографический интерес.

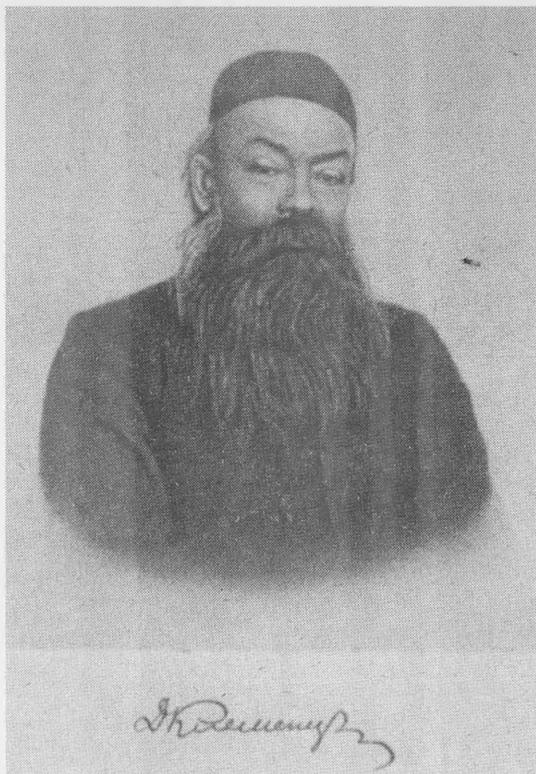
Творческие поиски Д.А. Клеменца, его раздумья и выработка собственного видения позволяют полностью согласиться с одним из высказываний о нем: «Это был ученый в лучшем смысле этого слова»⁶. Н.М. Могилянский, который работал в Этнографическом отделе под началом Д.А. Клеменца, писал о нем как о руководителе: «В начале 1902 г. Д.А. Клеменц назначен был заведующим Этнографическим Отделом Императорского Русского музея Императора Александра III и весь отдался организации этого нового, грандиозного по замыслу дела. Поставленный во главе ответственной задачи, он всегда и везде сознательно отводил себе роль первого работника в музейном деле со всей его повседневной, незаметной работой, роль первого между равными участниками в музейном строительстве, всегда настойчиво и последовательно проводившего принцип коллегиального начала»⁷.

Д.А. Клеменц взял на себя общее управление Отделом. Кроме того, он как хранитель-этнограф отвечал за район Сибири и прилегающих стран. Дмитрий Александрович вникал буквально во все мелочи, связанные с деятельностью Отдела. В то же время он не признавал ненужной опеки и излишнего контроля за своими сотрудниками. По словам А.А. Макаренко, хорошо знавшего жизнь Отдела, «хранителям предоставлена была в достаточной мере самостоятельность действий в их районах. В музейной работе их объединяла общность программ, однородность задач и единство цели»⁸.

Итоги деятельности Д.А. Клеменца и его сотрудников по созданию Этнографического отдела за первые девять лет его существования, восемь из которых он был заведующим, были подведены Н.М. Могилянским. Они касаются всех сфер музейной работы – комплектования, учета и хранения, научных исследований, подготовки к созданию постоянных экспозиций. За эти годы, по мнению Н.М. Могилянского, накоплен значительный материал, который характеризует почти все народы Российской империи и в первую очередь основную часть ее населения – русских. Коллекции приведены в порядок, систематизированы, атрибутированы и подготовлены к экспонированию. Именно тогда была заложена и нынче действующая, конечно, модернизированная, система учета и регистрации экспонатов. Тогда же в основе своей была выработана схема расположения коллекций в новом здании музея, во многом сохранившаяся и сейчас.

Были разработаны проекты музейной экспозиционной мебели, частично используемой в современной экспозиции. Положено было и начало издательской деятельности музея. Стали выходить серийные сборники «Материалы по этнографии России», первый выпуск которых увидел свет в 1910 г. Была создана научная библиотека музея, которая сегодня является одной из лучших специализированных этнографических библиотек России.

Исходя из этих реалий, Д.А. Клеменц полагал, что в течение трех лет, т.е. в 1913 г. удастся открыть музей для посетителей. Несмотря на то, что здание музея по проекту архитектора В.Ф. Свиньина было построено в 1911 г., первые зрители уви-

Д.А. Клеменец в годы создания Этнографического отдела

дели музейные сокровища лишь 10 лет спустя после намеченного срока, т.е. в 1923 г. Свои коррективы внесли политические потрясения, происшедшие в России в начале XX столетия – первая мировая война, революции, гражданская война, разруха.

Одна из петроградских газет писала об открытии этнографического музея: «В воскресенье, 3-го июня, в главном зале Русского музея, при большом стечении представителей ученых учреждений Петрограда и гостей, торжественно открылся единственный в России этнографический музей. 20 лет потребовалось на его подготовку. В невероятно тяжелых условиях, при отсутствии средств, производилась работа. В этнографическом музее собрано за 240 тысяч предметов, отражающих условия жизни и быт народностей, населяющих нашу республику. Каждый рабочий имеет возможность, придя в музей, в наглядных картинах знакомиться с многочисленными народностями и племенами, населяющими нашу республику, с условиями их жизни, обычаями, обрядами. Этнографический музей – богатая книга в лицах и картинах, интересная и поучительная».

Так, спустя 20 лет после создания музея и более 10 лет после ухода оттуда его первого директора Д.А. Клеменца музей начал выполнять свою важнейшую миссию культурно-просветительского центра, о чем Дмитрий Александрович говорил еще в начале века.

Безусловно, решение поставленных перед музеем задач было не под силу одному человеку, даже такому неутомимому труженику, каковым являлся Д.А. Клеменец. Однако директор музея сумел подобрать хороших специалистов и руководил ими, используя потенциальные возможности, опыт, знания и таланты каждого.

В первые годы существования Этнографического отдела кроме Д.А. Клеменца в нем работало всего три штатных сотрудника – К.А. Иностранцев, Е.А. Ляцкий, И.М. Могиланский. Самым старшим по возрасту из них был Д.А. Клеменец, ос-

тальным не исполнилось и 40 лет. По тогдашним временам в области гуманитарной науки и тем более среди музейных работников это был «юношеский» возраст.

Д.А. Клеменц писал о них: «Знаменитых у нас нет. Весь состав из молодых сил. Подбирая его, я гонялся не за именами, даже не за эрудицией, а за любовью к делу и энергией». Он видел в них будущее: «Прямо скажу, мне не угнаться за моими сотрудниками». Его не пугало то, что они могут стать его конкурентами в науке и музейном строительстве. Д.А. Клеменц достаточно трезво оценивал уровень подготовленности своих подчиненных: «Вообще без хвастовства и без самоуничужения и могу, и должен сказать, что мои сотрудники знают больше меня, ближе знакомы с современным состоянием науки». Между сотрудниками изначально достаточно четко были распределены обязанности.

Е.А. Ляцкий (1868–1942) перешел в музей из публичной библиотеки. В его обязанности входила работа по собиранию и приведению в порядок и впоследствии размещению в залах музея коллекций по следующим районам: «Север России до Урала, финские племена, Новгородская, Псковская, Тверская губернии и губернии, населенные белорусами»⁹. Комплектование коллекций по данным районам являлось результатом неутомимой экспедиционной деятельности Е.А. Ляцкого и его работы с корреспондентами-собираателями. Главное его детище – научная библиотека музея. В начале 1907 г., т.е. еще при Д.А. Клеменце, Ляцкий ушел в отставку.

К.А. Иностранцев был приглашен на работу в музей по рекомендации ученых и профессоров восточного факультета Петербургского университета как специалист по сасанидскому Ирану и мусульманскому Востоку¹⁰. К этому времени он уже достаточно хорошо был известен в научном мире как человек, обладавший независимостью взглядов и суждений, которые отстаивал в своих трудах и продолжал затем делать то же самое на заседаниях Этнографического отдела¹¹. К.А. Иностранцев принимал самое живое участие в подготовке программы сбора этнографических материалов, эффективно проводил работу по описанию коллекций, являлся членом финансовой комиссии музея. Уже в 1903 г. он фактически сформировал в музее Отдел Кавказа, Средней Азии, Крыма и сопредельных стран Востока. Вместе с А.А. Миллером Иностранцев занимался вопросами оборудования.

По его инициативе в музее была создана фототека, которая сейчас является уникальным собранием негативов и фотографий по разным народам России. В декабре 1908 г. К.А. Иностранцев ушел в отставку. «То обстоятельство, что К.А. Иностранцев был знатоком древневосточной и средневековой мусульманской культуры, делало его особенно ценным сотрудником Этнографического отдела Русского музея»¹².

Среди первых штатных сотрудников музея заметный след в этнографической науке, музейном строительстве и организации работы Этнографического отдела оставил Н.М. Могиланский. В 1910 г. он возглавил этот Отдел. Вместе с тем роль Могиланского в жизни музея оценивается различными исследователями неоднозначно. Говоря о личных качествах и политических взглядах этого человека, одни называют его «карьеристом и интриганом, закончившим свою жизнь в эмиграции»¹³, «ярким монархистом»¹⁴, другие полагали, что ему было присуще «отсутствие этнических (читай: национальных. – И.Д.) предрассудков» и именно «Н.М. Могиланскому принадлежит заслуга создания творческого климата в Этнографическом отделе»¹⁵.

Оценивая научное наследие Могиланского, одни исследователи считали его «автором буржуазно-либерального направления»¹⁶, другие утверждали, что «в работах Н.М. Могиланского ощущается влияние марксизма»¹⁷. На мой взгляд, последняя оценка Могиланского и его трудов вряд ли может быть принята. Следует согласиться с другой характеристикой Н.М. Могиланского, приводимой теми же авторами: «Русский ученый, занимавшийся разработкой теоретических вопросов этнографии, внесший существенный вклад в их решение, много времени уделявший совершенствованию научно-собирательской работы Этнографического отдела Русского музея»¹⁸.

Н.М. Могиланский курировал в Этнографическом отделе обширные территории

Средней и Восточной России, Малороссии и Бессарабии. Его стараниями пополнялись коллекции музея. Будучи «прекрасным собирателем», он, в частности, положил начало созданию богатой молдавской (бессарабской) этнографической коллекции. Н.М. Могиланский оставил обширное научное наследие. Особо следует выделить такие его работы, как «Предмет и задачи этнографии», «Областной и местный музей как тип культурного учреждения»¹⁹.

В первой была дана в целом негативная оценка состоянию дел в российской этнографической науке и музейном деле и сформулирована задача коренного изменения системы подготовки этнографов. В качестве первого шага он предлагал создать специальные кафедры в ведущих университетах страны. Эта задача была решена только в наше время. Во второй работе им выдвигалась модель краеведческого музея, как центра изучения своего края и культурно-просветительского учреждения. Такой областной или местный музей должен, по его мнению, состоять из трех составных частей – естественно-исторической, историко-гуманитарной и общедоступной библиотеки. Предложенная модель была реализована в 1920–1930-е годы в связи с созданием строгой структуры краеведческих музеев разных уровней: районный – городской – областной – республиканский.

Став преемником Д.А. Клеменца на посту заведующего Этнографическим отделом, Могиланский в 1911 г. подвел итоги десятилетия существования в России первого национального музейного этнографического центра.

Современники и исследователи истории Этнографического музея по-разному трактуют деятельность обоих руководителей. В сборнике статей, посвященном Д.А. Клеменцу, А.А. Макаренко писал: «Тихо и незаметно ушел Д.А. Клеменц из Этнографического Отдела»²⁰. О зловещей роли придворных кругов, а именно Министерства Двора, которому подчинялся Русский музей и входивший в его состав Этнографический отдел, о лицемерии Д.И. Толстого писали Д.А. Клеменц, Е.Н. Клеменц и их друзья. В их письмах говорится и о коварной позиции Н.М. Могиланского, стремившегося всеми силами и средствами занять место заведующего. В архиве Академии наук и Русского музея сохранились письма, в которых упоминаются обстоятельства отставки Д.А. Клеменца. Его супруга Е.Н. Клеменц писала С.Ф. Ольденбургу: «Удален Дмитрий из музея интригой». Д.И. Толстой в письме к ней отмечал: «Несомненно, все причастные к музею и хорошо относящиеся к Вашему супругу желают одного, чтобы все обошлось по возможности безболезненно и без потрясений Дмитрия Александровича».

Сейчас трудно выявить истинную причину отставки Д.А. Клеменца. Однако вполне логично, что его преемником стал Н.М. Могиланский. Д.А. Клеменц в последние годы своего директорства тяжело болел и часто отсутствовал в музее из-за длительного лечения за границей. Он ушел в отставку в возрасте более 60 лет. Крупный этнограф, музейщик Н.М. Могиланский работал в Отделе со дня его основания и был единственным, кто остался в музее с тех времен.

Д.А. Клеменц и Н.М. Могиланский являлись приверженцами разных направлений в этнографической науке. Первый, как уже отмечалось, был последовательным сторонником эволюционизма в этнографии, второй в своих научных изысканиях опирается на идеи и постулаты французской антропологической школы. Работа в музее представителей разных научных школ отнюдь не мешала общему делу. Это свидетельство широты взглядов Д.А. Клеменца, поскольку он сам подбирал сотрудников.

Еще в 1907–1908 гг. во времена директорства Д.А. Клеменца ушли в отставку Е.А. Ляцкий и К.А. Иностранцев. Их сменили Ф.К. Волков и А.А. Миллер. Федор Кондратьевич Волков проработал в музее 12 лет – с 1907 по 1918 г. Он возглавлял Отдел Юго-Западной России и зарубежных славян²¹. Вполне справедлива следующая оценка Ф.К. Волкова как ученого: «Ф.К. Волков несомненно является выдающимся российским (не означает русским!) антропологом, археологом, этнографом, внесшим крупный вклад в развитие отечественной и зарубежной науки»²². Его основные труды «Этнографические особенности украинского народа», «Антропологические осо-

енности украинского народа», опубликованные в 1916 г. в период его работы в музее, гали классическими и не утратили значение и актуальность и поныне.

По своим взглядам Ф.К. Волков был одним из лидеров антропологической школы российской этнографии и опирался на достижения и опыт аналогичного направления во Франции²³. В музее главным его достижением было создание богатейшей украинской этнографической коллекции.

Существенный вклад в формирование кавказского собрания внес видный этнограф археолог кавказовед Александр Александрович Миллер (1875–1933), являвшийся риверженцем эволюционной теории развития человечества. В результате его экспедиционной деятельности была сформирована примерно треть всей кавказской коллекции музея²⁴. Еще одним конкретным вкладом в деятельность музея была разработка им всего экспозиционного и фондового оборудования, которое отчасти лужит и сейчас²⁵. В науке навсегда остались его труды по археологии и этнографии Кавказа. Классической стала его методическая работа «Археологические разведки». А.А. Миллером была разработана концепция охраны памятников археологии в России.

Под руководством Д.А. Клеменца в Отделе работали не только эти сотрудники. По Зосоку, в частности Китаю, специализировался Д.Э. Ухтомский²⁶. Постоянно сотрудничали с музеем такие выдающиеся ученые, как А.А. Макаренко (1904–1913), С.И. Руденко (с 1906 г.) и многие другие.

Широко был развит и эффективно работал все годы директорства Д.А. Клеменца институт «местных работников». Их подбору, обучению, направлению деятельности ю сбору на местах информации и коллекций Д.А. Клеменц и его постоянные сотрудники уделяли серьезное внимание. Вклад «местных работников» в формирование собрания музея неопределим. Среди сотрудничавших с музеем были крупные ученые, срасведы, представители местной интеллигенции, чиновники, кушцы, духовные лица, юлитические ссыльные. Список упоминавшихся А.А. Макаренко «местных корреспондентов» включал 24 человека. Макаренко вполне обоснованно полагал, что некоторые из собранных им коллекций – сойотская (Н. Мартъянова и Ф. Кона), гукотская, ламутская и коряцкая (Н. Сокольников), якутская (А.И. Попова), предметы культа бурят (М. Хангалова) имеют выдающееся научное значение²⁷.

Штатные и внештатные сотрудники Этнографического отдела под руководством Д.А. Клеменца создали национальный этнографический музей в России. Можно с уверенностью сказать, что полностью подтвердились слова его первого директора: «Музей настолько обширен, что будет одним из величайших в Европе».

Ныне это Российский этнографический музей – единственный в России национальный музейный этнографический центр, где хранятся, изучаются, экспонируются в Петербурге и многих странах мира коллекции, представляющие быт и культуру более чем 150 народов России и сопредельных стран. Российский этнографический музей – особо ценный объект национального культурного достояния России.

Примечания

¹ Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы // Живая старина. Вып. 1. 1915. С. 170.

² Могиланский Н. Памяти Д.А. Клеменца // Матер. по этнографии России. Т. II. СПб., 1914. С. I–VII; Попов И.И. Дмитрий Александрович Клеменц (Биографический очерк) // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV. 1916. Иркутск, 1917. С. 65–77; Макаренко А.А. Д.А. Клеменц в Этнографическом Отделе Русского музея Императора Александра III (1901–1909 гг.) // Там же. С. 316–355; Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. М., 1929; Дэвлет М.А. Клеменц как археолог // Сов. археология. 1963. № 4. С. 309; Конаков А.П. Д.А. Клеменц – основатель Этнографического Отдела Русского музея // Тр. Ин-та этнографии им. П.Н. Миклухо-Маклая. Т. 94. М., 1968. С. 45–61; Федорова В.Н. Революционный народник, ученый, просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск, 1988. Здесь названы только основные работы. Кроме них о Д.А. Клеменце опубликовано множество небольших статей, заметок и некрологов.

- ³ Анушин Д. Дмитрий Александрович Клеменц. Некролог // Этнограф. обозрение. 1914. № 1. С. 273.
- ⁴ Макаренко А.А. Указ. раб. С. 336.
- ⁵ «Отдельное мнение старшего этнографа Академии наук Д.А. Клеменца, члена подкомиссии для выработки проекта разделения Этнографического отдела Русского музея имени Императора Александра III». Отдельный оттиск на правах рукописи. приложение к протоколу 3-го предварительного совещания по вопросу об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского музея».
- ⁶ Могиланский Н. Указ. раб. С. 1.
- ⁷ Там же. С. VI.
- ⁸ Макаренко А.А. Указ. раб. С. 337.
- ⁹ Молотова Л.Н. Е.А. Ляцкий и его деятельность в Этнографическом отделе Русского музея // Из истории комплектования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. С. 14–25.
- ¹⁰ Иностранцев К.А. Хун-ху и Гунны // Живая старина. Вып. 3. 1900. С. 353–381.
- ¹¹ Васильева Н.Е. К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // Из истории комплектования... С. 41–51.
- ¹² Там же. С. 50–51.
- ¹³ Конаков А.П. Указ. раб. С. 60.
- ¹⁴ Федорова В.Н. Указ. раб. С. 109.
- ¹⁵ Лукьянец О.С., Калашикова Н.М. Н.М. Могиланский – основатель молдавских этнографических коллекций в собраниях Русского музея // Изв. Академии наук Молдавской ССР. 1989. № 1. С. 74.
- ¹⁶ Федорова Б.Н. Указ. раб. С. 8.
- ¹⁷ Лукьянец О.С., Калашикова Н.М. Указ. раб. С. 71.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Могиланский Н.М. 1) Предмет и задачи этнографии; 2) Областной и местный музей как тип культурного учреждения // Живая старина. Вып. 1. 1916. С. 1–22; Вып. 4. С. 303–326.
- ²⁰ Макаренко А.А. Указ. раб. С. 355.
- ²¹ Черунова Н.К. Ф.К. Волков и его вклад в развитие отечественной науки XIX – начала XX в. // Традиции отечественной палеоэтнологии. СПб., 1997. С. 7.
- ²² Решетов А.М. К оценке деятельности Ф.К. Волкова // Там же. С. 18.
- ²³ Шангина И.И. Ф.К. Волков и антропологическая школа в этнографии // Там же. С. 57.
- ²⁴ Дмитриев В.А., Иванова В.П. А.А. Миллер – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории... С. 26–40.
- ²⁵ Миллер А.А. Музейная мебель и ее оборудование // Музейное дело. Вып. II. Л., 1925. С. 5–37.
- ²⁶ Решетов А.М. Первые китайские коллекции Этнографического отдела Русского музея и их собиратели // Из истории... С. 217–224.
- ²⁷ Макаренко А.А. Указ. раб. С. 339–340.

I.V. D u b o v. At Sources of Russian Ethnographic Museum (Towards 150 years from Dmitriy Aleksandrovich Klements' Birthday)

This article is devoted to D.A. Klements – the enlightener, scientist, public figure and organizer of museum business in Russia. Just he is a founder of Russian Ethnographic Museum. The article tells about the fruitful activity of D.A. Klements on the creating of this museum, selection and work with research workers and members of part-time staff.

© 1998 г. ЭО, № 6

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: РЕКИ И КУЛЬТУРЫ»

27–28 ноября 1997 г. в Санкт-Петербурге, в Русском Географическом обществе состоялась конференция «Природа и цивилизация: реки и культуры», подготовленная коллективом сотрудников Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) при поддержке РГО и приуроченная к 100-летию выхода в свет первого русского издания книги Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». В ее работе участвовали ученые из научных центров Ижевска, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени, Улан-Удэ и Южно-Сахалинска. Прозвучали и были обсуждены 42 доклада*.

Анализу научного творчества Л.И. Мечникова был посвящен доклад сотрудника МАЭ А.Д. Д р и д з о .

Однако развивая плодотворные идеи знаменитого русского ученого, участники обсуждавшейся на конференции проблемы вышли далеко за ее рамки, и помимо цивилизаций, связанных и великими историческими реками, выдвинули идею влияния речного ландшафта как на становление материальной так и духовной сфер.

В представленных докладах внимание исследователей было сосредоточено на рассмотрении типа и способа восприятия времени и пространства, специфики модели мира, культурного символизма, форм сознания и первичной классификации явлений природы и стихий. При этом авторы привлекали и уже известные и новые материалы как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. Среди участников конференции были географы, историки, этнографы, археологи, лингвисты, фольклористы и искусствоведы. Полидисциплинарность конференции подтвердила актуальность темы и интерес представителей различных научных областей к ее разработке в общетеоретическом и региональных аспектах. В результате этого в поле зрения ее участников оказались разноуровневые и разновременные культуры народов Старого и Нового Света, что позволило представить широкую картину развития речных цивилизаций Земли.

Проблемы взаимоотношений человека и природы, природы и культуры, появившиеся уже на начальных этапах становления цивилизации, наиболее отчетливо могут быть прослежены на судьбе культур, так или иначе связанных с реками. Эти вопросы особенно актуализировались в наше время, когда движение цивилизации по пути непрерывного технологического развития привело к отрыву человека от природы, грозящему исчезновению его с лица Земли. Ретроспективное и перспективное изучение этих проблем наиболее целесообразно на примере речного ландшафтного типа, с которым связаны многие древнейшие культуры Земли. Концепция экологизма, являющаяся одной из господствующих научных теорий современности, обречена остаться абстрактной идеей, если она не будет подкреплена подробным изучением вполне конкретного естественно-культурного материала.

В решение этой задачи участники конференции, по мере своих возможностей, пытались внести собственный вклад.

А.М. Б у р о в с к и й (Красноярский гос. ун-т) убедительно показал, что не только великие реки способствовали возникновению первых цивилизаций, но, пожалуй, еще более существенна роль малых рек в становлении и развитии первичных очагов культуры. Именно в поймах малых рек для древнего человека было наиболее легко создавать антропогенный сельскохозяйственный ландшафт. А первичные цивилизации во всех регионах земли, как известно, базировались на мотыжном и, как правило, орошаемом земледелии. Исторически же цивилизации малых рек повсюду предшествуют цивилизациям великих рек.

Универсальное значение проблемы рек и специфики «речных» культур было подтверждено в ряде докладов.

* Материалы конференции опубликованы в сборнике «Природа и цивилизация: реки и культуры (СПб., 1997 г.)». Проведение конференции и публикация материалов осуществлены благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 97-01-00311).